

Масаев М.В.

СИМВОЛИЗМ КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

«Коллективистическому мышлению свойственен глубокий и безысходный символизм, - пишет российский философ А. А. Ивин. – Вся природа и все общество – символ теоретического, идеального мира. Каждая вещь интересна не столько сама по себе, сколько в качестве символа чего-то иного, в частности другой вещи. Коллективистический символизм сохраняет приоритет умозрительного мира над предметным, но одновременно стремится сблизить и связать эти миры и систематически затирает с этой целью различие между символом и символизируемой им вещью, намечает массу переходов между ними. Иногда отношение символизации оказывается даже обернутым, и символизируемая вещь становится символом своего символа. Особенность коллективистического символизма не в самом по себе обилие символов, а прежде всего, в уверенности в их объективной данности, а также в том, что символ считается не просто представляющим символизируемую вещь, но подчиняющим ее себе и управляющим ею. Одна и та же вещь может быть символом нескольких других; символами являются не только вещи, но и их свойства и отношения. Символизируемая вещь – всегда символ вещей более высокого порядка, символизация постоянно переплетается с иерархизацией, поддерживая и укрепляя ее». [1, с.142]. В Новое время коллективизм Средних веков стал сдавать позиции воинствующему индивидуализму. Процесс этот начался серией так называемых буржуазных революций: в Нидерландах, в Англии, Франции. В 1848 году третья по счету революция во Франции стала детонатором цепи революций в Европе, которую почему-то назвали «весной народов». Но коллективистические монархические государства в Австрии, Пруссии и конечно же в России устояли. Но после первой мировой войны такие коллективистические государства как Австрийская, Германская, Российская и Турецкая империи исчезли с лица земли. Но индивидуалистические демократические общества не оказались жизнестойкими в наиболее пострадавших от войны странах. Коллективизм быстро восстановил в них свои позиции в форме диктатуры пролетариата в России и в форме фашистской диктатуры в Германии. Тоталитарные коллективистические общества в СССР и фашистских государствах, сначала в Италии и Португалии, а затем в Германии, Испании, Венгрии, Румынии и Болгарии оказались не менее символическими, чем коллективистические общества Древнего мира и Средних веков. «Символизм тоталитарных обществ не менее очевиден, чем символизм средневековой культуры, – пишет А. А. Ивин. – Бросается в глаза уже обилие тоталитарных символов, их бесконечная повторяемость» [1, с.146].

Одним из первых ключевых символов советского государства стало забальзамированное тело его основателя В. И. Ленина, выставленное в специально построенном на Красной площади в Москве мавзолее. Но это будет после смерти вождя. Первый же такой символ был создан за одну ночь перед празднованием первой годовщины прихода большевиков к власти. Готовясь к юбилею, в Москве, где совершенно не было ткани, вывесили тысячи красных флагов (тоже символов советской власти) и только к ночи вспомнили, что забыли соорудить самое главное – трибуну, с которой в девять утра должен был произнести речь оправившийся от ран Ленин. Трибуну строила всю ночь при свете костров «бригада профессоров-интеллигентов», их пригнали «для принудительного трудового воспитания» (еще один символ власти победившего пролетариата). В восемь утра трибуна выросла, и Ленин говорил с нее речь. Под трибуной стоял приехавший Л. Д. Троцкий. Как наследник... [2, с.167], что также было символично, причем настолько, что даже не относясь к символам с таким трепетом как Сталин Л. Д. Троцкий стал считать себя наследником Ленина («бедный, самоуверенный Троцкий, уверенный до конца жизни, что Ленин считал его своим наследником!» - сорвалось как-то у Эдварда Радзинского [2, с.204-205], но не Ленин считал Троцкого своим преемником, это так невольно показалось Троцкому). Конечно, всего этого не мог не оценить Сталин, созданный Лениным как партийный лидер в качестве если не антипода, то хотя бы противовеса Л. Д. Троцкому. «На том месте, где выступал Ленин, - замечает Эдвард Радзинский, - Коба (партийная кличка Сталина – М. М.) воздвигнет Мавзолей. Он станет новой трибуной, где Коба будет строить по рангу своих соратников. Место на этой трибуне будет означать принадлежность к Власти» [2, с.167]. Сами похороны Ленина носили подчеркнuto символический характер, чего на этот раз недооценил Л. Д. Троцкий, не появившийся на похоронах. Л. Д. Троцкий не был символом. Он не знал, что символ силен именно многократным предъявлением, на что мы, разрабатывая концепцию парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций как категорий философии истории неоднократно указывали [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19], [20], [21]. Однократного появления перед народом в качестве преемника вождя пусть и в день первой годовщины победоносной революции было явно мало. Мавзолеем же как символ создавался на века, и на похоронах Ленина народ видел уже не Троцкого, а Сталина, первого поклонившегося телу вождя. Сами похороны Ленина носили подчеркнuto символический характер, чего явно недооценил Троцкий, даже не появившийся на похоронах. Ошибкой Л. Д. Троцкого было и прижизненное отношение его к вождю, которого Лев Давыдович, в отличие от Сталина не боготворил, а Сталин уже в начале века имел шутовское прозвище «левой ноги Ленина» [22, с.91]. В символичности похорон Ленина ничего особенного в общем-то не было. Россия не так далеко ушла от феодального, символистического по своей природе общества, чтобы не превратить похороны «вождя» в подчеркнuto символистическое действие. Подробнее об этом можно прочитать у А. Я. Гуревича в его «Ментальности» в «Опыте словаря нового мышления» [23, с.455]. Позднее, уже в созданном Сталиным тоталитарном коммунистическом обществе, похороны Сталина окажутся столь же впечатляющим символом.

**СИМВОЛИЗМ КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Даже сама идея выставить гроб с телом Ленина на всеобщее обозрение принадлежала, как утверждают, Сталину. Не поддержали эту идею родственники Ленина, а Троцкий, Бухарин и Каменев даже протестовали. Сталин глубже чем кто-либо из его тогдашних соратников по партии, схватывал еще не совсем ясную суть того общества, которое предстояло построить, и его не могло остановить и то, что идея сохранения тела Ленина слабо согласовывалась и с христианской традицией (строго-то говоря, христианство в России было густо опутано языческими пережитками), и с духом «революционного» учения марксизма-ленинизма. Но зато идея эта была совершенно в духе восточных деспотий и уж, конечно, в духе того тоталитарного коллективистического общества, которое Сталин планировал создать и создаст в России. Чтобы стать подлинным символом, «похороны Ленина» были постепенно очищены от части внешних деталей, мешавших внешнему выражению внутреннего содержания этого символа. На похоронах выступало около десятка ораторов, позже в передакированных и отрецензированных советских источниках указывалось, что единственным, кто выступал с прощальной речью, был... Сталин. При этом его речь носила характер поминальной клятвы показывала, что он готов предпринять «необходимые шаги по воплощению в жизнь ленинских идей, тех самых, от которых даже сам Ленин стал отходить в период своей болезни и которые такие кисейные барышни, как Зиновьев и Троцкий, осуществить были неспособны» [24,с.167]. Похороны Ленина должны были предстать в глазах народа как символ передачи власти в руки верного и последовательного ученика ушедшего из жизни вождя. Первый вождь первого в мире государства «рабочих и крестьян» был не чужд преклонения перед символами. Как и средневековой гелуэзский епископ Яков де Воранже, надевший святую воду собственной силой изгонять бесов В. И. Ленин наделил неодушевленную материю свойством, родственным человеческим психическим процессам. К такому «открытию» В. И. Ленин пришел в 1908 году, работая над своим самым значительным философским трудом «Материализм и эмпириокритицизм» [25]. Ленин любил понятие «социал-демократия», но когда его осенило, что «самый справедливый общественный строй» не утвердится без диктатуры пролетариата, которая, по убеждению Ленина «есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» [26,с.245], то он решил срочно изменить название своей партии с социал-демократической на коммунистическую. Старое могло бы помешать успешному проведению в жизнь диктатуры.

Диктатура весьма импонировала и новому вождю, и, укрепляя свою личную диктатуру, Сталин всегда ссылался на авторитет Ленина, авторитет, который новый вождь культивировал всячески, для чего ему и нужно было придание авторитету Ленина силы символа. Причем понимал эту силу Сталин так же, как и представитель чикагской школы символического интеракционизма Тамотсу Шибутани, который писал, что «символы могут заставить людей вступить в священную войну, предпринять опасное паломничество, участвовать в отвратительном линчевании или погибать, героически защищая безнадежное дело» [27,с.105], [28,с.108]. Интересно, что также понимал значение символа и Гитлер, сменивший намекавшую на еврейское происхождение фамилию Шикльгрубер (копатель шиклей, известных нам в греческом звучании ветхозаветных сиклей, а в современном государстве Израиль шекелей, то есть денег – М. М.) на Гитлер. И Гитлер, и Сталин создавали культ своих личностей. Правда, Гитлер был первым фюрером (вождем), а Сталин – вождем вторым. При этом Сталину было гораздо легче – ведь он мог и эксплуатировал в свою пользу авторитет первого вождя. Опираясь на авторитет Ленина, Сталин и ликвидировал своих политических оппонентов: и Троцкого, которого первый вождь называл частенько «иудушкой» и вменял ему ни мало ни много как ... «небольшевизм» [27,с.345], и Каменева и Зиновьева, которых вождь именовал «политическими проститутками» и считал их «октябрьский эпизод» (предательское опубликование в меньшевистской печати планов большевистского «вооруженного восстания» - М. М.) «не случайным» [27, с.345], а заодно и Бухарина, которого вождь называл «любимцем партии» [27, с.345], но... обвинял в незнании диалектики [27, с.345]. Одно только могло бросить тень на Сталина – это ленинское «Письмо к съезду» [27, с.343-348], но о «совершенно секретном документе», который Н. К. Крупская должна была огласить на первом же съезде партии после смерти В. И. Ленина, с легкой руки «верной» секретарши В. И. Ленина Л. А. Фотиевой узнали и Сталин, и Троцкий, и Каменев. Н. К. Крупскую на съезд не пустили. Она выполнила завещание вождя и мужа, она зачитывала «Письмо к съезду» прибывавшим на съезд делегациям. И. В. Сталин, как верный ученик вождя, символически покаялся на съезде и сумел сохранить свой пост. У прочих же на покаяние перед съездом ума не хватило. Но, на всякий случай, всех делегатов злополучного съезда Сталин уничтожит, а о «письме к съезду» надолго забудут, вспомнят о нем лишь после смерти вождя второго. О том, как секретное завещание вождя попало Сталину, можно почитать у Эдварда Радзинского [2, с.204-225]. Н.К. Крупскую заставят замолчать под угрозой, что для вождя найдут «новую вдову». Затем быстро и при непонятных обстоятельствах уйдет из жизни Мария Ильинична Ульянова, которую В. И. Ленин одно время хотел видеть женой Сталина. А потом, скушав в день своего рождения присланный Сталиным торт, умрет и сама Надежда Константиновна. И ничто уже не затмит сияние символа нового вождя, восторженные последователи которого будут идти на смерть со словами «За Родину! За Сталина!». С иступленными криками «Хайль Гитлер!» пойдут на завоевание мира миллионы немцев. Вот она – сила символа.

Главным символическим цветом советской власти стал красный, цвет пролетарской революции. Красным был флаг у фашистской Германии и у правящей в ней фашистской партии. Ведь НСДАП (National-Sozialistische Deutsche Arbeiters Partei), или фашистская партия, была какой ни есть «социалистической» и «рабочей» (в полном переводе название партии будет Национал-социалистическая Немецкая Рабочая Партия – М. М.). У фашистов и коммунистов будет и общий праздник – 1 Мая – Праздник Труда. В остальном, правда, символические знаки были различными: серп и молот и красная звезда у коммунистов и индийская

свастика (знак солнца у индо-арийских племен) у немецких фашистов. В отличие от фашистов итальянских, носивших черные рубашки, немецкие стали носить коричневые. Мода на синие рубашки в СССР быстро прошла. Помешала песня «Мы синеглазые, мы профсоюзники». Какие-то профсоюзники. Партия превыше всего. Что «ум, честь и совесть нашей эпохи»? Конечно же партия. Профсоюзы, в которых состояло сто процентов трудящихся СССР, не могли стать законодателем моды, а партия своей моды так и не выработала. У фашистов законодателем моды на символы была, конечно, фашистская Германия, но что-то досталось и итальянцам, первооткрывателям этого движения. Само слово фашизм итальянского происхождения *fascio*, фашо – фасция, *fascia*, римских ликторов, связка, в которую охранники римских консулов и преторов ликторы вкладывали свои топоры – М. М.). И у фашистов, и у коммунистов символы эти присутствовали повсюду. И символы эти переживали породившие их общества. В Калининграде, по крайней мере до конца 80 – х годов прошлого века, чугунные канализационные люки были с фашистской свастикой, а в Москве на кремлевских башнях до сих пор горят рубиновые красные звезды. Как, между прочим, двуглавые орлы долгое время венчали башни того же самого Кремля, ставшего уже крепостью государства советских коммунистов в Москве.

Символичность становится в тоталитарных обществах Новейшего времени, как и в Средние века, главным мотивом принятия важных решений: символы здесь, как и во всяком коллективистическом обществе, управляют реальностью. Когда 28 марта 1945 года главнокомандующий войсками союзников американский генерал Д. Эйзенхауэр направил непосредственно Сталину письмо, в котором сообщал, что по военным соображениям основной удар союзников будет нацелен не на Берлин, а южнее, Сталин не мог поверить в свою удачу, и сделал все, чтобы полностью воспользоваться ею, учитывая первостепенное символическое значение взятия Берлина. Западные союзники исходили из того, что, поскольку Берлин будет внутри советской зоны (вопрос о зонах оккупации был уже решен в Ялте), то их войскам нет смысла проливать за него кровь. Западные союзники думали о захватах неподделанных территорий в Австрии и Чехословакии. Западные союзники думали о захватах территорий. Сталин же думал о символе. Но, испугавшись коварства союзников и, полагая, что они также думают больше о символах, чем о чем бы то ни было реальном, Сталин в своем ответе от 1 апреля 1945 года похвалил Д. Эйзенхауэра, согласившись с тем, что Берлин утратил прежнее стратегическое значение, и не без хитрости сообщил, что на взятие Берлина будут направлены лишь второстепенные советские силы. Взятие Берлина Красной армией – без участия союзников – могло стать и стало не только ярким символом победы русских над Германией, но и символом превосходства социализма не только над фашизмом, но и даже над самим капитализмом, о чем Сталин вскоре не преминул упомянуть. Разделить честь символической победы над Германией Сталин предоставил лишь полякам, настоящим и будущим сателлитам и будущим строителям общества, подобного тому, которое построил в СССР Сталин. Это даст потом хвастливым полякам повод петь “*Wojsko polskie Berlin bralo, russkie troche pomagalo*” (войско польское Берлин брало, русские трошек помагало). В тот же день, день ответа на письмо Д. Эйзенхауэра, 1 апреля 1945 года, Сталин вызвал Жукова и Конева и дал им на подготовку к штурму Берлина каких-то двенадцать – четырнадцать дней. Берлинское направление у немцев обороняла Третья танковая армия и Девятая армия группы армий «Висла» генерал-полковника Г. Хейнрици, Четвертая танковая армия и Семнадцатая армия группы армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера – всего 48 пехотных, 9 моторизованных, 6 танковых дивизий и много других частей и соединений, или 1 миллион человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий (аналогов советских САУ – М. М.) и 3300 боевых самолетов. Кроме того в резерве главного командования сухопутных войск находилось 8 дивизий, а в самом Берлине было сформировано около 200 батальонов фольксштурма (народного ополчения – М. М.). Оборона немецко-фашистских войск на берлинском направлении была глубокой и удачно эшелонированной. Она включала одерско-нейсенский рубеж, глубиной 20-40 километров, имевший три полосы и Берлинский оборонительный район, состоявший из трех кольцевых обводов. В инженерном отношении особенно сильно была подготовлена оборона перед кюстринским плацдармом и на котбусском направлении. В составе группировки советских войск на берлинском направлении было 20 общевойсковых армий, в том числе Первая армия Войска Польского (генерал С. Г. Поплавский) и Вторая армия Войска Польского (генерал Кароль Сверчевский), 4 танковые армии, 4 воздушные армии, 10 отдельных танковых и механизированных корпусов, 4 кавалерийских корпуса, включавшие 2,5 миллиона человек, около 42 тысяч орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов, что обеспечивало перевес над противником в живой силе в 2,5 раза, в артиллерии и минометах в 4 раза, танках и САУ в 4,1 раза, в боевых самолетах – в 2,3 раза [30, с.383]. Хорошо иллюстрирует масштабы Берлинской операции Красной армии цифра в семь миллионов снарядов, которые были доставлены по железной дороге только на передовые позиции фронта маршала Жукова. [1, с.148]. Наступление началось ранним утром 16 апреля. 2 мая берлинский гарнизон капитулировал. В ходе Берлинской операции советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковые и моторизованные дивизии, уничтожили большую часть авиации вермахта, взяли в плен около 480 тысяч человек, захватили до 11 тысяч орудий и минометов, свыше 1500 танков и штурмовых орудий, 4500 самолетов и другую технику. Дорого обошлась Берлинская операция и советским войскам. Их безвозвратные потери составили 78 291 человек, а санитарные – 274 184 человек. Страшные потери несли танкисты в ходе уличных боев в Берлине [30, с.386]. Сталин не поспешил на награды героям штурма Берлина. 1082 тысяч человек были награждены медалью «За взятие Берлина», десятки тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов были награждены орденами, 187 частям и соединениям, наиболее отличившимся при штурме вражеской столицы, было присвоено почетное наименование Берлинских. Более 600 участников Берлинской операции были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. [30, с.387]. Американский генерал Д. Эйзенхауэр руководствовался военной стратегией, задачей захвата под контроль западных держав новых не поделенных

**СИМВОЛИЗМ КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

членами антигитлеровской коалиции территорий, сбережением живой силы и техники, Сталин же – даже не политической, а скорее символистической стратегией, в которой главным было не захват территорий, а ... борьба за символы. Интересно, что такой же символистической, свойственной коллективистическим, а не индивидуалистическим обществам стратегией руководствовался в 1941 году и Гитлер, избрав направлением главного удара Москву, во что не хотел верить Сталин, считая Гитлера не таким уж символистом, как он сам, а прежде всего военным стратегом. Но бывший ефрейтор Шикльгубер повел себя не как полководец, а как такой же приверженец символов, как и Сталин.

Символами в советском обществе могли оказываться вещи, совершенно не имевшие, казалось бы, практического значения и внутреннего содержания. «Когда Хозяин (Сталин) сдох и ибанцы наревелись до-сыта, стали появляться несколько зауженные штаны, - пишет А. А. Зиновьев в своих «Зияющих высотах» о жизни ибанского общества, строящего «изм». – С узкоштанниками повели решительную борьбу. Разрезали штаны публично, выгоняли из институтов, увольняли с работы, штрафовали, писали фельетоны. Но зато уже не расстреливали. И расправу производили не Органы, а сами широкие массы по собственному почину. Страшили не узкие штаны сами по себе. Они были даже выгоднее, так как благодаря им производство тканей в стране выросло сразу вдвое. Узкие штаны были признаком и символом растущей непокорности, своеволия, неверия. Но в конце концов узкие штаны, как и кибернетика, были очищены от идеологических искажений и признаны отвечающими идеалам «изма». Как раз к этому времени они устарели» [31, с.39].

Символизм проник и в советскую внешнюю политику. Доказательства этому приводит А. Уткин в статье «Встречи в верхах – от Петра до Ельцина. Как восточный символизм борется с западным анализом», опубликованной в 1995 году в «Литературной газете». [32, с.11]. Так в ноябре 1943 года во время встречи глав держав антигитлеровской коалиции в Тегеране Сталин использовал всю доступную ему дипломатию символов и жестов, направленную на установление дружественности. Он без понуканий, широким жестом пообещал вступить в войну с Японией два-три месяца спустя после окончания войны в Европе. Ему не было равных в тостах, он взвешивал каждый свой жест. И розднее, в Ялте и Потсдаме, задача изучать карту передавалась помощникам. Черчилль, а не Сталин скрупулезно, в процентах обозначал будущее влияние СССР и Запада в странах Восточной Европы. Сталин лишь мельком взглянул в листок с цифрами и кивнул. Такие жесты Сталина, как вывод советских войск из Ирана, были из той же череды жестов-символов. И ничто не могло обидеть его больше, чем несогласованная остановка поставок по ленд-лизу. Для Трумэна же в последнем случае проблемы не было: по договору помощь оказывается лишь в военное время, оно для СССР прекратилось 9 мая 1945 года. Н. С. Хрущев шел тем же, что и Сталин путем. Для Хрущева были важны: пролет шпиона Гарри Пауэрса над советской территорией накануне встречи в верхах в Париже, молчание Дж. Кеннеди на переговорах в Вене (1961), где, как сообщали советские средства массовой информации, молодой американский президент «учился» у опытного советского лидера, личные письма Дж. Кеннеди Н. С. Хрущеву в декабре 1962 года, давшие возможность хрущовского обещания вывести советские ракеты с Кубы. Поклоннику символов, а не здравого смысла Хрущеву не пришло в голову приравнять советские ракеты на Кубе к американским в Турции, что сразу же направило бы спор в рациональное русло. Кеннеди же не нужно было даже убеждать, по своей рациональной логике он молча вывел ракеты с турецкой территории. Борьба символизма с анализом была продолжена в годы правления Л. И. Брежнева. В Сан-Клементе, наотрез отказавшись от предоставленной ему резиденции, он поселился в маленькой комнате спешно выселенной дочери президента Р. Никсона. Дождавшись темноты, советский лидер с шалью для супруги президенту и неизбежным российским сувениром постучался в спальню соседа, Вручив со слезами на глазах подарки, он предложил радикально решить китайский вопрос с юга и с севера. [32, с.11]. Единственное, на что здесь следует обратить внимание – это не противостояние восточного и западного менталитетов, а столкновение коллективистической (или заметно тяготеющей к коллективизму) культуры с индивидуалистической культурой. Первая постоянно склоняется к символу и символическому жесту, пренебрегая рациональной, сциентистской аргументацией, в то время как вторая, оставаясь в целом равнодушной к символам и связанным с ними эмоциям, обращается в первую очередь к анализу и конкретным, обращенным к разуму доводам. А. А. Ивин считает большим упрощением «говорить просто о «Западе» и «Востоке» и не уточнять, что Запад – это индивидуалистическое западное общество, а Восток – это типично коллективистическое советское общество или общество явно коллективистического типа» [1, с.151].

В итоге можно выделить следующие особенности коллективистической символизации:

1. Коллективистический символизм чаще всего непосредственно связан со спекулятивной ориентацией коллективистического мышления, с удвоением мира, введением, наряду с реальным, также умопостижимого (небесного, будущего и т. п. мира) и провозглашением приоритета последнего.

2. Реальный мир предстает в коллективистическом обществе как символ умозрительного, так что в сфере символизации сохраняется приоритет умопостижимого мира над земным. Причем все это одинаково характерно для обществ как сугубо религиозных, так и сугубо атеистических, несмотря на весь провозглашаемый в качестве идеологии самых безбожных обществ диалектический, исторический и прочий материализм.

3. Связь умозрительных и чувственно данных объектов является также символической. Это не причинная или функциональная связь, а связь представления одного объекта другим, связь «заместительствования», имеющая определенную направленность.

4. Реальные (земные) объекты служат преимущественно для того, чтобы через них познавалось иное, более высокое содержание.

5. Различие между символом и символизируемым объектом не является жестким и однозначным, между ними нет пропасти, а есть масса переходов, что во многих случаях дает возможность оборачивания отношения «символ – символизируемая вещь». Интересно, что для воспитанного в индивидуалистическом обществе французского философа-традиционалиста Рене Генона такое не всегда возможно «высшее никогда не может символизировать низшее, хотя обратное верно» [Цит. по: 35, с.10].

6. Важным является не только содержание, стоящее за символом, но и содержание, заключающееся в нем самом, в силу чего символ представляет собой как бы модель символизируемой им вещи, и его исследование оказывается способным пролить свет на свойство последней.

7. Предметные, чувственно воспринимаемые свойства символа являются неразвернутым представлением умозрительного объекта; чтобы постичь это представление, надо его развернуть, причем процесс разворачивания постепенен и допускает беспредельное углубление.

8. Символы объективны в том смысле, что они мыслятся не созданными человеком и не зависящими от субъективного произвола, человек способен лишь раскрыть в какой-то мере их внутреннее и внешнее содержание, но не изменить и не отменить их.

9. Объекты умозрительного мира подчиняют себе чувственно данные вещи, делают их своими символами и управляют ими.

10. Коллективистические символы чрезвычайно устойчивы, ключевые из них (подобны кресту, серпу и молоту, красной звезде, фашистской свастике) бесконечно повторяются.

11. Для коллективистического общества типичны целые цепи символов и их иерархии, включающие несколько уровней, когда символизируемая вещь сама является символом вещей более высокого порядка, а те, в свою очередь, представляют собой символы.

12. Символами могут быть не только предметы в обычном смысле, те или иные графические знаки, но и свойства, отношения, слова (свет и тьма, «правое» и «левое», красный, черный, коричневый, голубой, оранжевый и иные цвета, гвоздики, особенно красные, розы, тюльпаны и иные цветы и т. д.).

13. Коллективистический символизм иерархичен и иерархичен он в том смысле, что символизируемая вещь относится к более высокому уровню коллективистической иерархии, чем сам символ.

14. Вершина этой иерархии (Бог, коммунизм, чисто арийское государство) является внесимволической. Только эта вершина представляет саму себя ничто иное. Внешнее содержание этого символа совпадает с внутренним содержанием. Здесь символизируемое и символизирующее никак не могут меняться местами. Как уже говорилось Рене Генон вообще отрицает возможность того, чтобы высшее символизировало низшее [33, с.324-333], [34, с.216-222]. «Высшее никогда не может символизировать низшее». [Цит. по: 35, с.10].

15. Все остальные объекты как реального, так и умозрительного мира имеют и внешнее, и внутреннее содержание и являются, таким образом, символами: они говорят не только о себе, но и об ином.

16. Поскольку символ не просто обозначает символизируемый объект и отсылает к нему (подобно тому, как это делает имя), а представляет и замещает этот объект, воздействие на символ, манипуляции с ним являются одновременно манипуляциями с символизируемым объектом.

17. В безбрежном море коллективистических символов имеется ядро доминантных символов (обычно весьма многозначных) и большое число зависящих от них, энклитических символов.

18. Вся совокупность символов образует достаточно стройную и последовательную систему, в которой доминантные символы служат опорными точками, придающими ей стабильность.

19. Символизм коллективистического общества усиливает его «мобилизационные возможности» придает ему дополнительную устойчивость.

20. Если коллективистическое общество укрепляется всеобъемлющим символизмом, то и развалить его можно также «символическим оружием».

21. Коллективистические общества в силу их всеобъемлющего символизма, труднее привести к краху, но если последнее удастся, то такой крах всегда сопровождается катастрофическими последствиями.

Источники и литература

1. Ивин А. А. Введение в философию истории: Учеб. пособие. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1977. – 288 с.
2. Радзинский Э. Сталин. – М.: ВАГРИУС. – 1997. – 642 с.
3. Масаев М. В. Образ пострадянської демократії в рамках інтервального підходу (філософсько-історичний аспект) // Політологічний вісник. – Київ, 2000. – №7. – С.116-124
4. Масаев М. В. Парадигмальні образи як символи епох // Культура народів Причорномор'я. – 2000. – №14. – С.132-136
5. Масаев М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношению Понятие парадигмального образа в философии истории / Культура народів Причорномор'я. – №21. – 2001. – С.210-221.
6. Масаев М. В. Роль образа в интервальном подходе в философии истории // Культура народів Причорномор'я. – 2001. – №22. – С.199-205.
7. Место и роль ООН в парадигмальном образе грядущей эпохи // Международное право. – 4/2001/13. – С. 296-304.
8. Масаев М. В. Глобальные и региональные геополитические и международноправовые последствия атлантического выбора Украины на фоне формирования парадигмального образа новой цивилизации

**СИМВОЛИЗМ КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

- (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2004. – №48. – Т.1. – С.160-168
9. Масаев М. В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования // Культура народов Причерноморья. – 2004. – №55. – Т.3. – С.203-204.
 10. Масаев М. В. Феномен образного воплощения пространственно-временного континуума исторической рефлексии // Культура народов Причерноморья. – 2004. – №56. – Т.2. – С.96.
 11. Масаев М. В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2004. – 2004. – №56. – Т.2. – С.96–106
 12. Масаев М. В. Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторический аспект) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №57. – Т.2. – С.148-149
 13. Масаев М. В. Символизм древнерусской культуры как зрительного обоаза в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №63. – С.136-139.
 14. Масаев М. В. Образ православной церкви как апокалиптической жены (в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №63. – С.153-156.
 15. Масаев М. В. Роль библейского символа в превращении русских в россиян // Культура народв Причерноморья. – 2005. – Июнь. – №64. – С.104-106.
 16. Масаев М. В. Цветная политика в системе парадигмальных образов и символов эпох (философско-исторические и психологические аспекты) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – Июнь. – №64. – С.106-109.
 17. Масаев М. В. Збручский идол как символ русского народа и парадигмальный образ восточнославянской цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №65. – С.111-115
 18. Масаев М. В. Образ Святой Руси как парадигмальный символ православной цивилизации // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №65. – С.140-144.
 19. Масаев М. В. Сакральная симвоология Рене Генона // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №66. – С.131-132.
 20. Масаев М. В. Храм во имя святого Николая // Крымская газета. – 1992. – №124. – 18 декабря. – С.3.
 21. Масаев М. В., Масаев В. М. Свято-Никольский храм Севастополя // Республика Крым. – 1992. – №36. – декабрь.
 22. Трубайчук А. Ф. Брудершафт двох диктаторів. – К.: Асоціація істориків «Істина», 1993. – 336 с.
 23. Гуревич А. Я. Ментальность // Опыт словаря нового мышления. – М., 1989. – С.455.
 24. Буллок А. Гитлер и Сталин. В двух томах. Смоленск, 1994. – Т.1. – 545 с.
 25. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. – Полн. Собр. Соч., – Т.18. – С.1-526.
 26. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. – Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 101-110.
 27. Шибутани Т. Социальная психология. Перевод с английского В. Б. Ольшанского. Общая редакция и послесловие профессора Г. В. Осипова. – М.: «Прогресс». – 1969. – 536 с.
 28. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращенный перевод с английского В. Б. Ольшанского. – М.: Астана: Ростов-на-Дону: Феникс. – 1999. – 544 с.
 29. Ленин В. И. Письмо к съезду. – Полн. собр. соч. – 45. – С.343-348.
 30. Берлинская операция 1945 // Советская Военная Энциклопедия: В 8 томах // Пред. Гл. ред. Комиссии М. А. Моисеев. – 2-е изд. – Т.1: «А» - Бюлов. – М.: Воениздат, 1990. 543 с. 30 л. ил. – С.383-387.
 31. Зиновьев А. А. Зияющие высоты. – М.: ПИК; Свердловск: Уральское отделение МГИК МАД ПР, 1992 – Кн.2. – 314[2] с.
 32. Уткин А. Встречи в верхах – от Петра до Ельцина. Как восточный символизм борется с западным анализом // Литературная газета. – 199. –9 августа. – С.11.
 33. Генон Рене // Энциклопедия «Мистики XX века». – М.: Астрель – Миф. – 2001. – 528 с. – С.324-333
 34. Генон Рене. Переворачивание символов. В кн. Царство количества и знамения времени/Генон Рене. Избранные сочинения: Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. – Пер. с франц. 2-е изд., испр. И дополн. – М.: «Беловодье», 2003. – 480 с. – С.216-222.
 35. Ключников С. Ю. Символика и наследие «каирского отшельника»/ В кн. Генон Рене. Символы священной науки = Simboles de la science sacree/Рене Генон; [пер. с фр. Н. Тирос]. - [М.]: Беловодье, 2004. – 480 с.:ил. – С.7 – 24.